

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ МАРКСИЗМА¹.

(Вместо введения.)

Марксизм как единственный последовательно революционный метод познания и действия, а вместе с тем и как единственное последовательно революционное мировоззрение вполне оформился уже к началу революции 1848 г. «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Коммунистический манифест», политические статьи Маркса и Энгельса того времени—живые свидетели этого закончившегося процесса *оформления* марксизма. К этому времени все части и стороны марксизма—философия, политическая экономия, история, тактика—приобрели устойчивые, в известном смысле законченные точки зрения. Дальнейшие фундаментальные произведения основоположников марксизма: «К критике политической экономии», «Капитал», «Анти-Дюринг», оставшаяся неоконченной «Диалектика природы» и другие, свидетельствовали уже о *развитии* марксизма, обогащении его, теоретическом развёртывании исходных положений, «обрастании» их ценнейшим материалом в разнообразных отраслях знания.

Основой основ этой гигантской научной работы всей жизни Маркса и Энгельса был и оставался *диалектический материализм*, т. е. неразрывное единство материализма и диалектики.

Всякие разглагольствования о том, что материализм есть собственно лишь экономическое учение или лишь материалистическое понимание истории, или только определенная политическая теория, означали и означают непонимание как структуры, так и содержания марксизма. Марксизм есть целостное мировоззрение и универсальный метод познания и действия, в основе которых, как сказано, лежит материалистическая диалектика. Поэтому прав был Ленин, когда писал: «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и к тактике

¹ Вступительная статья к сборнику «Против новейшей критики марксизма», М., 1929.

рабочего класса—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹. Само собой разумеется, речь идет не о диалектике вообще, а о материалистической диалектике.

Однако если таково существо марксизма, то в отдельные исторические эпохи в силу объективных конкретных условий на первый план как бы выдвигаются отдельные стороны марксизма. У неглубоких «созерцателей» это-то и создает впечатление однобокости, узости, так сказать, специальности марксизма. Объективная неизбежность подчеркивания или разработки одной из сторон марксизма принимается ими как доказательство отсутствия всех остальных сторон. У врагов марксизма это приводит к близорукой критике или к снисходительному потрепыванию по плечу по случаю «узости» точки зрения, у непрощенных же друзей и доброжелателей к «восполнению» мнимо отсутствующих элементов системы.

В самом деле, в 1845—1847 гг., когда закладывались основы марксизма, Маркс и Энгельс разрабатывали преимущественно философскую сторону своего учения. Революционные 1848—1849 гг. характеризуются преимущественно разработкой политической стороны марксизма, ближайшие последующие—разработкой теоретико-экономической стороны, поскольку необходимо было выковать «ключ к анатомии капиталистического общества». Однако отсюда было бы нелепо умозаключать, что в указанные годы марксизм терял все свои остальные стороны и составные части.

Аналогичную картину представляет и история марксизма в России. В 90-х годах прошлого столетия у нас шел спор о путях экономического развития России, и это объективно склоняло наших марксистов того времени заниматься преимущественно (но не исключительно) экономическими исследованиями. Революция 1905 г. направила энергию марксистов на вопросы политики и тактики; в годы же реакции и идейного разброда началась, по выражению Ленина, «философская разборка». Но ортодоксальные марксисты тех эпох на каждом этапе помнили о всех сторонах марксизма, прежде всего о его методологической, философской, говоря обще, основе, иначе они не были бы ортодоксальными марксистами.

Обозревая историю марксизма за весь период его существования, мы не должны, конечно, забывать и о «внешнем фронте» марксизма. Марксизм рос и развивался не в тепличной обстановке. Вся история его, как революционного учения, есть *история борьбы* с реакционными, консервативными, либеральными и даже радикальными течениями теоретической социально-политической мысли. Эта идейная борьба в революционные периоды не просто сменялась открытой классовой борьбой, а пронизывала собою последнюю, ибо «критика оружием» возможна лишь при наличии действенного и

острого «оружия критики». Марксизм во всех своих частях являлся и является в руках пролетариата таким оружием критики.

Первые полвека своего существования, т. е. при жизни Маркса и Энгельса, а затем и одного Энгельса, марксизм, наряду с положительной созидательной работой, вел успешную борьбу с враждебной, преимущественно буржуазной теоретической мыслью. Перед этим враждебным фронтом марксизм был как бы в себе единым. Проникая в различные области, главным образом общественных наук, марксизм не только противопоставлял буржуазно-идеалистической мысли свою материалистическую точку зрения, но и вытеснял первую на ряде участков.

Правда, Энгельс работал над «Диалектикой природы», но необходимость подготовить к печати оставшиеся от Маркса материалы по «Капиталу» не дали ему возможности закончить труд, который явился бы проникновением уже в те годы диалектического материализма в область естествознания. К. Каутский, П. Лафарг, А. Лабриола, Г. Кунов и другие работали, как сказано, в области общественных наук, преимущественно истории и социологии. Это и создало в известной мере объективное впечатление о марксизме, как о прежде всего, наряду с теорией трудовой стоимости, материалистическом понимании истории.

Борьба шла действительно за материалистическое истолкование истории, за, говоря шире, *материализм*. Крупнейшие представители второго поколения марксистов оставляли в тени философскую основу марксизма, не разрабатывая ее и в лучшем случае не выходя за пределы того, что дал и только должен был дать Энгельс в своей полемике с Дюрингом. Это обстоятельство не могло не принести своих естественных плодов: когда в 90-х годах внутри марксизма Э. Бернштейном было положено начало ревизионизму, Плеханов, наиболее философски культурный теоретик марксизма, повел с ним борьбу не столько по линии: метафизический идеализм—диалектический материализм, сколько по более элементарной линии: идеализм—материализм. Несколько раньше это же имело место и в его полемике с народниками. Вспоминая об этом впоследствии, Ленин правильно писал: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000 стр. (Бельтов+против Богданова+против кантианцев+«Основные вопросы» и т. д.). Из них большой логике (Гегеля.—И. Л.), по поводу нее, ее мысли, т. е. собственно диалектика, как философская наука, nil» и в другом месте: «Марксисты критиковали кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (по-бюхнеровски), чем по-гегелевски».

Но если отсутствие разработки материалистической диалектики можно в качестве известного упрека адресовать Плеханову, который, однако, выступил в последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. на защиту ортодоксального марксизма в его философской части, то неглижирование диалектикой других теоретиков марксизма второго поколения обошлось марксизму чрезвычайно дорого.

Вполне оформившееся в последние десятилетия XIX в. как главнейшее течение буржуазной философской мысли *неокантианство* проникло в 90-х годах в среду марксистов. Это имело место как в Германии в лице Э. Бернштейна и К. Шмидта, так и в России в лице П. Струве и С. Булгакова с их, по выражению Ленина, «критической струей». Это привело к своеобразной теории о необходимости подвергнуть ревизии учение Маркса. Неокантианский ревизионизм в марксизме и является не чем иным, как отражением в философской области буржуазного влияния на социал-демократию.

Кантианствующие «марксисты» выставили тезис: марксизму как целостному учению не хватает философского основания (здесь-то и сказалось неглижирование философской основой марксизма). Это основание в той или иной степени может быть или должно быть (это уже дело вкуса того или иного ревизиониста) взято у Канта. Так полагали и Э. Бернштейн, и старейший ревизионист-философ в собственном смысле слова—К. Форлендер, и более молодой М. Адлер, и отечественный «марксист на час»—П. Струве.

Если так говорили одни, то другие поступали не лучше. Виднейший теоретик эпохи II Интернационала, «столп и утверждение социал-демократической истины»—К. Каутский, выступивший с специальной книгой против Э. Бернштейна, оказался весьма беззаботным по части теории. Впоследствии он заявил, что хотя он лично и стоит на точке зрения диалектического материализма, но не видит оснований, почему марксизм в целом не может быть соединен с любым философским учением. Этот замечательный тезис, свидетельствующий о безудержном эклектизме, Каутский, само собой разумеется, повторил и в своей последней двухтомной работе о материалистическом понимании истории. Так при творческом участии одних, активном содействии других и примиренческом отношении третьих внедрялось в марксизм буржуазное неокантианство. Нужно отдать справедливость, всю тяжесть борьбы с кантианцами в этот классический период неокантианского ревизионизма вынес на себе Плеханов. Ленин в эти годы еще проходил в ссылке свою философскую учебу.

Эпоха реакции 1907—1909 гг. принесла в марксизм новую разновидность ревизионизма—эмпириокритицизм. Представленный на Западе главным образом Ф. Адлером, он особенно пышным цветом расцвел в России в лице А. Богданова, В. Базарова, П. Юшkevича, А. Луначарского и др. Не касаясь здесь социально-исторической обстановки, скажем, что философские условия распространения этой разновидности ревизионизма были те же: неглижирование философской стороной марксизма, близорукий просмотр материалистической диалектики. Однако ортодоксальный марксизм, и именно на русской почве, оказался достаточно вооруженным, чтобы дать эмпириокритическому ревизионизму сокрушительный бой. Работы В. Ленина, Г. Плеханова, А. Деборина, Л. Аксельрод сделали свое дело, и эмпириокритический ревизионизм вскоре ока-

зался достоянием лишь своих «вождей». Отсюда, конечно, не следует, что он исчез совершенно. Известный рецидив его мы имели в некотором увлечении «тектологией» Богданова. На Западе при поддержке социал-демократии его продолжает усердно пропагандировать О. Иенсен. Однако и там в связи с общим охлаждением к философии Маха и Авенариуса он теряет свое некогда бывшее весьма актуальным значение.

Если, таким образом, первый, приблизительно полувековой, период развития марксизма характеризуется борьбой его с буржуазной идеологией, то второй период, начиная с 90-х годов прошлого столетия, характерен не только борьбой на внешнем фронте, но и в известной мере ревизионистским разложением части марксистских рядов под влиянием буржуазной идеологии. Вместе с тем не следует упускать из виду и укрепление рядов русских марксистов, среди которых первое место философского лидера от Плеханова переходит к Ленину.

Третий период в истории философии марксизма, начало которого следует датировать Октябрьской революцией 1917 г., но который имел и «эмбриональную» стадию (достаточно вспомнить «философские тетради» Ленина 1914—1915 гг.), характеризуется известными своеобразными чертами. Не беря проблемы в целом (она ждет еще своего исследователя), мы все же должны отметить следующее:

Октябрьская революция 1917 г., как и вся эпоха империализма и пролетарских революций, заставляет в особенности чутко относиться к вопросам теории. Расцвет теоретического мышления вообще характеризует класс, идущий к власти. Французская буржуазия накануне Великой революции разработала, пусть преодоленные временем, но действительно незабываемые теоретические основы материалистического мировоззрения. Идущий к власти пролетариат поднимает на небывалую высоту мощь истинно научного теоретического мышления.

В нашу эпоху не только рушатся старые социально-политические институты, взамен которых создаются новые, принципиально, качественно отличные, но и разрушаются старые отношения, связи, закономерности. Это вполне понятно, ибо дело идет не о тех или иных заплатах или починках, скажем, политической надстройки, но о революционном изменении самой базы общества, его экономической структуры, дело идет о смене одной общественной формации другой, качественно отличной и притом более высокой.

В области идеологии это преломляется, и не может не преломиться, как смена,—подчас мучительная и сопровождаемая внутренней и внешней борьбой,—мировоззрения и, что особенно необходимо подчеркнуть, как смена самих форм мышления. Новые связи, опосредования и закономерности не могут быть осмыслены в старых формах мышления. Для адекватного отражения, т. е. для постижения действительности, равно как и для целеустремленного воздействия на эту действительность (и притом как общественную,

так и естественную, т. е. как на общество, так и на природу) необходимы новые методы, новые методологические категории. А все это составляет проблематику не только и не столько мировоззрения, сколько методологии.

Именно в этом причина того, что проблемы методологии, проблемы диалектики стоят сейчас в центре внимания философского авангарда пролетариата. Отсюда, конечно, отнюдь не следует, что, так сказать, мировоззренческая сторона материализма теряет *raison d'être*, что марксисты могут отбросить борьбу за мировоззрение, могут относиться к ней беспечно, отсюда отнюдь не следует, что борьба за диалектику вытесняет борьбу за материализм, но отсюда следует, что центр тяжести работы марксистов перемещается на данной стадии развития, говоря образно, от диалектического *материализма* к материалистической *диалектике*. Таковы объективно ставимые эпохой задачи теоретической работы марксистов.

Наряду с этой важнейшей задачей и в качестве подчиненных ей моментов необходима, во-первых, разработка *истории* диалектического материализма и, во-вторых, *критическая работа* по разоблачению и преодолению враждебных и ревизионистских в отношении марксизма теорий. Такому боевому направлению мысли, каким является марксизм и ленинизм, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, положительно необходимо знать на каждом этапе своих противников и «друзей», которые часто бывают опаснее открытых врагов. Не следует забывать, что марксизм есть теория не только знания, но и революционного действия. Поэтому всякое искажение марксизма, всякая его ревизия, всякое его засорение инородными, буржуазными и мелкобуржуазными идеями, независимо от того, выступают ли они в открыто или скрыто правом одеянии, или облекаются в тогу левой фразы, на деле приводят не только к ошибкам в знании, но и, что гораздо опаснее, к ошибкам в действии. Такие искажения или засорения марксизма должны быть ныне квалифицированы как особо опасное «вредительство». Это вредительство должно быть вскрыто, выявлено перед широкой читательской массой марксистов и ликвидировано.

Переживаемый нами период развития марксизма, третий по нашему счету, характеризуется своеобразными чертами и в лагере открытых противников и скрытых вредителей марксизма. Если взять наиболее типичные и исторически наиболее близкие к нам проявления тех и других, то мы увидим следующую картину.

Отечественные критики марксизма из лагеря буржуазии, некоторые из которых на заре своей юности сами «грешили» по части марксизма (например, П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков), ошарашенные еще в свое время громом кануна революции 1905 г. и тогда уже взявшиеся за «уничтожение» марксизма, в настоящее время докатились до точки. Этой «точкой» оказалась самая махровая религиозно-духовная, православная философия. Нашедшая приют в белогвардейской эмиграции, эта духовная братия, проповедуя идею «нового средневековья», по существу вышла уже за

пределы буржуазной quasi-научной критики, успокоившись в лоне воскрешаемой ими феодальной мысли. В отношении их задача критика-марксиста и необычайно легка и необычайно трудна: легка потому, что для всякого, обладающего простым здравым смыслом читателя достаточно привести их собственные положения, чтобы стала ясной вся их антинаучность, весь их религиозно-мистический бред; трудна потому, что в процессе критики нет ни единого общего слова, нет общего языка. Открытым переходом к мистицизму и религии эти «критики марксизма» сами поставили себя вне науки.

Однако, как это ни невероятно на первый взгляд, эмигрантская духовно-религиозная критика марксизма является грозным предостережением для некоторых ревизионистов, не порвавших еще с отдельными марксистскими идеями и во всяком случае с марксистской фразеологией. Речь идет о М. Адлере, который в одной из своих последних работ также докатился до мистицизма. Следуя за Кантом, он утверждает три разреза сознания: познавательный, волевой и религиозный. Религиозный разрез сознания, т. е. вера, является для него априорной, стало быть, общеобязательной формой сознания. Вера же оказывается высшей и синтетической формой. Научное познание, как основанное на теории причинности, не действительно и должно быть заменено знанием, основанным на категории целесообразности. Исторический прогресс немыслим без конечной цели, за которой у Адлера скрывается бог. «Истинный смысл прогресса,—пишет М. Адлер,—заключается совсем не в том, в чем до сих пор видел натурализм—в происхождении человеческой жизни из животной, а в стремлении человека к божественному»¹.

Если несомненно талантливый ревизионист неокантианского толка М. Адлер уже докатился до божества, то, повторяем, эта угроза, поистине угроза выхода за пределы хотя бы буржуазной науки, стоит и перед другими ревизионистами, хотя бы они этого или нет.

Мы говорили уже, что характерной чертой классической буржуазной критики марксизма в нашу эпоху является то, что она перестает быть буржуазной, превращаясь в критику феодальную.

Аналогично этому, характерной чертой современного ревизионизма является то, что он перестает быть ревизионизмом, превращаясь в ликвидаторство марксизма, другими словами, выходя за пределы марксизма и превращаясь в буржуазную критику его.

Ликвидаторство марксизма у ревизионистов нашей эпохи идет как по линии материализма, так и по линии диалектики. Впрочем, давно известно, что ревизионизм никогда не понимал диалектики, в чем и заключалась его Ахиллесова пята.

В частности М. Адлер выходит за пределы марксизма через следующие свои выводы: нет материалистической диалектики, хо-

¹ M. Adler, Das Soziologische in Kants Erkenntniskritik, 1924, S. 471.

тя и возможна диалектика как метод мышления. Эта диалектика не может служить теорией познания, так как она не имеет ничего общего с реальными антагонизмами действительности. Тем самым марксизм не имеет теории познания. Марксизм вообще не есть материализм, а лишь позитивизм, а правильное позитивистская социология. В силу этого марксизм может быть соединен с любой философской системой, но исторически он связан с трансцендентальным идеализмом, в котором и заключаются уже основные идеи социальной философии Маркса.

Близок к Адлеру, хотя и исходит из несколько иных положений другой ревизионист неокантианского толка—К. Форлендер. Кант несправедливо недооценен Марксом и Энгельсом, между тем он уже дал философское (этическое) обоснование социализма, в то время как Маркс дал лишь его историко-экономическое обоснование. Экономизм Маркса должен быть дополнен формализмом Канта, материалистическое понимание истории первого—категорическим императивом второго, каузальная закономерность—телеологической и материалистический метод Маркса—критическим методом Канта. На самом же деле мысль Форлендера приводит к тому, что Маркс должен быть не дополнен, а заменен Кантом. Так выходит за пределы марксизма и переходит в ряды буржуазной философии К. Форлендер.

Ликвидаторством марксизма занимаются и те ревизионисты, которые всегда были беззаботны по части философии: К. Каутский и Г. Кунов. Разными путями, через собственное толкование различных проблем, они покидают почву марксизма и, утопая в болоте буржуазного эклектизма, скатываются к самому безобидному, никакой угрозы для капитализма и буржуазного государства не представляющему либерализму. Заменяв теорию научного коммунизма Маркса ламарксистским истолкованием расовой теории Гумпловича, Каутский толкует возможность социализма как осуществление социальных инстинктов. Подстать ему и Кунов, переодевая Маркса и Энгельса в костюмы буржуазных социологов, рисует себе преобразование капиталистического общества в социалистическое как постепенное и мирное имманентное развитие капитализма. Никакого разрушения буржуазной государственной машины Кунов не допускает, утверждая тем самым буржуазное империалистическое государство в качестве вечной категории. Так вырождается на наших глазах ревизионизм социал-демократов в пошлые буржуазные либеральные и в лучшем случае радикальные течения. Снявши марксистскую голову, уже не следует плакать по социал-демократическим волосам.

Было бы однако неверно в вырождении социал-демократического ревизионизма в буржуазную критику марксизма видеть единственную специфическую черту современных ревизионистских направлений. Эпоха пролетарских революций привела уже к диктатуре пролетариата в СССР. Но диктатура пролетариата в какой-либо стране не может не означать задачи гегемонии идеоло-

гии пролетариата, задачи идейной гегемонии диалектического материализма. Вместе с тем эпоха пролетарских революций означает рост и укрепление коммунистических партий. Все это создает своеобразные условия, при которых в стране диктатуры пролетариата или в рядах коммунистических партий *теоретический ревизионизм* выдается своими творцами за *ортодоксальный марксизм*. Предшествующая эпоха не знала таких ситуаций, ревизионизм выступал более или менее открыто. Теперь же в силу указанных обстоятельств ревизионизм подчас выступает под маской ортодоксии. Классический пример этому в СССР—механисты, пытавшиеся объявить себя ортодоксальными марксистами; безусловно любопытный и заслуживающий рассмотрения пример этому на Западе—Г. Лукач со своей теорией дематериализации. Задача критика в подобных случаях заключается в том, чтобы вскрыть ревизионистский характер той или иной теоретической маскировки.

Буржуазная критика, перерастающая в критику феодальную, социал-демократический ревизионизм, перерастающий в буржуазную критику, ревизионизм новейшего типа, оформляющийся в недрах коммунистических партий под маской ортодоксии—таковы «субъекты» критики марксизма в нашу эпоху, которые сами должны стать объектом марксистской критики. Знать своих противников никогда не вредно, знать марксистам своих противников в их наиболее типичных и характерных проявлениях эпохи положительно необходимо. В этом смысл и скромные задачи предлагаемого вниманию читателей сборника.
